

Обсуждаем статью «Интенциональность»^{*}

С понятием «интенциональность» уже более века связаны попытки разработать концепцию сознания, принципиально отличающуюся от его картезианской трактовки как некой замкнутой в себе субстанции. В изящной статье «Две великие метафоры» Х. Ортега-и-Гассет пишет, что универсальное отношение между субъектом и объектом, сознанием и предметом можно постичь, только уподобив его какому-то иному отношению. Такое уподобление неизбежно влечет появление метафоры, благодаря которой мы представляем себе работу сознания. Человеческая мысль была не слишком щедра в изобретении таких уподоблений. Испанский философ считает, что всего лишь две основные метафоры веками направляли здесь понимание. Для древней философии это был образ покрытой воском дощечки, на которой воспринимаемые объекты оставляют свои отпечатки. В Новое время «на смену метафоре печати и восковой дощечки приходит метафора сосуда и его содержимого. Объекты не попадают в сознание извне, они содержатся в нем самом; это – идеи»¹.

Критику понимания сознания как сосуда, в котором «перевариваются» ощущения, впечатления и рождаются образы предметов, принимали многие философы: Джемс и Бергсон, Гуссерль и Мерло-Понти, Витгенштейн и Райл, если назвать только самых известных. Даже Поппер, казалось бы, достаточно далекий от этой тематики, обстоятельно раскритиковал такую теорию сознания (и основанную на ней эпистемологию), назвав ее «бадейной» и противопоставив ей концепцию, основанную на метафоре луча света, прожектора².

^{*} Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 04-06-80259а.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 80.

² См.: Поппер К. Бадья и прожектор: две теории познания // Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002.

Интенциональность как предметная направленность сознания, смыслообразующая соотнесенность с предметами опыта, по-видимому, позволяет существенно иначе, чем с помощью метафоры сосуда, представить структуру сознания. Интенциональные акты как бы выхватывают объекты из темноты, освещают их, придают им предметные смыслы.

Вместе с тем для человека, не погруженного полностью в терминологию Гуссерля и не воспринимающего все через ее призму, в этой картине, на мой взгляд, остается много неясного и туманного. И хотя идея интенциональности как-то связана с оптической, световой метафорой, тексты и дискуссии по этой проблематике слабо продвигают экспликацию этого слегка таинственного понятия. Можно даже сказать, что все эти дискуссии пока производят больше тепла, чем света.

Авторы помещенных ниже статей делают акценты на разных аспектах интенциональности и придерживаются разных позиций. В.И. Молчанов и В.А. Куренной являются известными специалистами по феноменологии, Е.В. Вострикова и А.А. Веретенников – молодые философы, предпочитающие аналитический подход в философии сознания. Возможно, обсуждение понятия интенциональности в таком составе позволит читателям лучше осознать проблемы, связанные с этим важным феноменом.

В. П. Филатов

В. А. КУРЕННОЙ

Интенция. Латинское слово «intentio» обладает весьма широким смысловым спектром. В значении «напряжение» в средние века оно использовалось для перевода греческого «tonos» – термина философии стоиков, характеризующего активную и упорядочивающую функцию пневмы или, у других авторов, мирового вещества. В собственно латинской традиции значения этого понятия могут быть распределены на две семантические подгруппы: практическую и теоретическую. К первой относится употребление «интенции» для обозначения воли и ее целей. Так, у Августина этот термин иногда, подобно «amor» и «voluntas», обозначает направленность души к цели, которая в позитивном отношении может быть только Богом. В то же время «внимание ума» (animi intentio), согласно Августину, составляет – наряду с объектом, который мы воспринимаем, и актом нашего восприятия – существенный элемент познания («Quod in ea re, quamdiu videtur, sensum detinet oculorum, id est animi intentio» (De trinit. XI, 2)). Особенно ясное выражение практического значения интенции обнаруживается в «Этике» (Scito te ipsum) Абельяра, который проводит различие между поступком (opus) и намерением (intentio) таким

образом, что нравственной оценке со стороны Бога подвергается только намерение человека (недоступное познанию со стороны других людей), или – в случае греховного деяния – согласие (*consensus*) воли с «изъяном души», толкающим к преступлению, в то время как любой поступок сам по себе является этически нейтральным: «В самом деле, Бог мерит не тем, что люди делают, а тем, с какой душой они могут делать <нечто>; и не в поступке, а в намерении поступающего состоит заслуга или подвиг». Доброй может быть только воля (*voluntas*), а не деяние человека. Человеческое правосудие обречено на несправедливость, поскольку «предоставляя Божьему Суду ошибки духа, мы оставляем за собой суд над их результатами», заботясь – ради общей пользы – «о необходимости предотвратить общественный ущерб». Дальнейшее развитие практической проблематики, связанной с понятием интенции, в средневековье идет по линии поиска объективных критериев моральной оценки, что достигается путем интеграции в подлежащее оценке намерение не только цели, но и средств ее осуществления. Так Александр Галес включает в определение интенции помимо цели также «то, что позволяет нам прийти к цели» (*illud per quod venit in finem*), преодолевая тем самым дуализм намерения и поступка, что закрепляется в дальнейшем как у Бонавентуры, так и у Фомы Аквинского. У последнего интенция и выбор (*electio*) составляют два конституирующих элемента направляемого практическим разумом свободного нравственного акта воли (*Summa theol.* I/II, q. 12). В новоевропейской философии известна ирония Паскаля относительно иезуитского способа «направлять намерение» («Письма к провинциалу», 7 письмо), т.е. оправдывать благими намерениями неблаговидные поступки, к чему восходит термин «интенционализм» – учение, в соответствии с которым поступок следует оценивать только по его замыслу (цель оправдывает средства). Впрочем, уже Абельяр осознавал возможность подобного нравственного релятивизма, когда писал: «Намерение нужно называть благим не потому, что оно таковым кажется, но потому, что оно таковым считается при условии прояснения того, на что направлено, если есть вера не только в то, что это угодно Богу, но и кроме того, что оно [никого] не сможет ввести в заблуждение».

Теоретическая семантика слова «интенция» в латинском языке возникает в XII в. в связи с переводами работ Авиценны и арабского слова «*ma'na*», которое наряду с «*ma'qual*» («категория» у Авиценны) выступает уже у Аль Фараби для обозначения действительности познаваемого как таковой. Авиценна связывает оба понятия Аль Фараби в определении предмета логики: «Предметом логики являются познаваемые во вторую очередь интенции (*i. nes intellectae secundo*), которые присоединяются к интенциям, познаваемым в первую очередь (*i. nibus primo intellectis*)» (*Met. tr.* 1, с. 2). Под «первыми интенциями» понимаются сами познаваемые предметы, а под «вторыми интен-

циями» — «логические интенции», как то: роды, виды, отличительные признаки и вообще все логические понятия и термины, которые могут быть отнесены к познаваемому предмету. Кроме того, интенция (*ma'na*) используется Авиценной для обозначения того, что душа постигает в чувственно воспринимаемых предметах (*id, quod apprehendit anima de sensibili* (Lib. De anima p. 1, c. 2)). Использование термина «*ma'na*» в средневековой арабской философии не ограничивается указанным, приближаясь к многозначности греческого «*logos*», что явствует из соответствующих переводов с греческого языка. У Фомы Аквинского интенция в теоретическом смысле тесно связана с его учением о познании и означает «образ» познаваемой вещи, находящийся в душе и отличающийся от самой этой вещи, интенция — это средство для постижения предмета, подлежащего познанию, но не сам познаваемый предмет. Синонимично интенции говорится о видах (*species*) и формах вещей (*forma rerum*). При этом различается несколько разновидностей интенции: *intentio sensibilis*, *intentio intelligibilis* и *intentio intellecta*. В поздней схоластике вводится значение интенции как акта и как отношения (то и другое понимание встречается у Д. Скотта). Оккам, называя «реально существующую вещь» *intentio prima*, считает «вторую интенцию» чистым актом интеллекта (*Quadlibeta IV, 19*).

В современной философии в большей мере распространено понятие интенциональности (Ф. Brentano, Э. Husserl, Дж. Серл), однако в феноменологии Гуссерля встречается и понятие интенции («дескриптивный род «интенция»»), которое характеризуется как сущностное свойство акта (*Aktcharakter*) и употребляется по отношению к определенному рода «психическим переживаниям», а именно таким, которые выделяются на основании «отношения к предмету», причем в двояком смысле. В узком (и преимущественно используемом) смысле интенция является «пустой», т.е. не связанной с наглядным представлением, восприятием и т.п. предмета, оставаясь его чистым полаганием (*das Meinen*). В широком смысле (LU (II), V, § 13) интенция включает акты реализации отнесенности к предмету, когда последний дан нам в соответствующем наглядном созерцании (*Erfüllung*). Семантическая концепция Гуссерля построена, в частности, на понятиях «интенция значения» (*Bedeutungsintention*) и «осуществление», или «наполнение» этой интенции значения (*Bedeutungserfüllung*). Если первое делает выражение (например, знак на бумаге) осмысленным, то второе позволяет ставить вопрос об истинности или ложности высказываний на основании реализованной сопряженности с подразумеваемым в высказывании предметом (LU (II), I, § 9).

В. И. Молчанов

Интенциональность (от лат. «intentio» – стремление) в феноменологии – первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру, смыслоформирующее отношение сознания к предмету, предметная интерпретация ощущений. Термин «интенциональность», широко использовавшийся в схоластике, в современную философию ввел Brentano, для которого интенциональность – имманентная предметность и критерий различия психических и физических феноменов. Ключевым это понятие становится у Husserl, понимавшего интенциональность как акт придания смысла (значения) предмету при постоянной возможности различия предмета и смысла. Направленность сознания на предметы, отношение сознания к предметам – все эти определения интенциональности требуют дальнейших структурных описаний, ибо речь идет не об отношении двух отдельных вещей или части и целого. С точки зрения Husserl, ошибочно полагать, что переживается предмет и наряду с ним интенциональное переживание, которое на него направлено. Сознание направлено на предмет, но не на значение предмета, не на переживание смысла предмета – последнее и есть направленность сознания в феноменологическом смысле слова. Интенциональность – структура переживания, фундаментальное свойство переживания быть «сознанием о...». В отличие от Brentano, у Husserl интенциональность не есть признак, различающий внутренние и внешние, психические и физические феномены. Не все, что относится к сфере психического, интенционально (ощущение боли, например, не имеет предметной интерпретации; боль как таковая не содержит в себе смысла). Кроме того, структура переживания не зависит от того, реален или нереален предмет, ставший мишенью объективирующего акта. В общем виде структура интенциональности – различие и единство интенционального акта, интенционального содержания и предмета.

В экзистенциализме Sartre интенциональность выражает постоянное напряжение между человеческой реальностью и миром, их нераздельность и взаимную несводимость, которая обнаруживает онтологическую значимость человеческого бытия. В аналитическую философию тема интенциональности вошла благодаря книге Э. Энском «Интенция» (1957), в которой она обсуждала возможности описания интенционального поведения. Затем это понятие стало широко использоваться в аналитической философии действия, философии сознания и языка.

Е. В. Вострикова

Интенциональность – одно из центральных понятий феноменологии и аналитической философии, обозначающее способность сознания быть «направленным на», «быть о», репрезентировать предметы и положения дел.

Термин происходит от латинского слова «*intentio*» (напряжение, сила), которое схоласты XIII–XIV вв. использовали для обозначения «того, что предстает перед сознанием в мысли». Это понятие было возрождено Ф. Brentano в работе «Психология с эмпирической точки зрения» (1874). Brentano сформулировал два тезиса, породившие основную часть дискуссий в аналитической философии и феноменологии по данной теме: во-первых, особенностью интенциональности как отношения является то, что объекта, на который направлено сознание, может в действительности не существовать; во-вторых, интенциональность – это отличительная черта ментального.

В аналитической философии первый тезис Brentano обсуждался не столько в рамках философии сознания, сколько в рамках философии языка. Выражения языка, несмотря на то что являются физическими феноменами, также обладают интенциональностью. Вопрос о том, как сознание связано с реальностью, коррелятивен вопросу о том, как знаки связаны с реальностью. Поэтому в обсуждении проблемы интенциональности в аналитической философии самыми цитируемыми являются работы, в которых сам термин «интенциональность» не употребляется – это работы по теории значения Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна (в основном поздние работы), Х. Патнэма, С. Крипке.

Можно считать, что проблема интенциональности была поставлена уже в работах Фреге, с одной стороны, как проблема значения осмысленных предложений, не обозначающих никакого предмета, с другой стороны, как проблема значения таких предложений, как «он убежден, что». Различие смысла (способа данности предмета) и предметного значения призвано было решить эти проблемы. Напрямую свойства интенциональности и свойства предложений типа «он убежден, что» впервые связал Р. Чизолм, который утверждал, что критерием интенциональности в языке является интенциональность (неэкстенциональность) выражений, сообщающих о ментальных феноменах. Интенциональными называются предложения, имеющие две отличительные черты: во-первых, в них нельзя заменить одно выражение на другое с тем же предметным значением, во-вторых, из употребления в них выражений, обозначающих по форме предмет, не следует, что такой предмет существует. Чизолм утверждал, что интенциональный язык не может быть сведен к экстенциональному, а значит, психические феномены не могут быть сведены к физическим.

Проблема объекта интенционального акта обсуждается в рамках вопроса о ментальном содержании (mental content). Ментальное содержание – это содержание наших убеждений, сомнений, надежд, верований и других интенциональных установок. Разные люди могут иметь одинаковое интенциональное отношение к одному и тому же содержанию, как, например, и я и вы можем быть убеждены в том, что идет дождь, а также один человек может иметь разные интенциональные отношения к одному ментальному содержанию, так, например, я могу надеяться и сомневаться, что завтра будет хорошая погода.

Существуют две конкурирующие теории о природе ментального содержания – интернализм (концепция узкого ментального содержания) и экстернализм (концепция широкого ментального содержания). Интернализм – это концепция, согласно которой ментальное содержание, равно как и значение, целиком задаются сознанием. Предполагается, что имплицитно этот тезис содержится в работах Фреге и Рассела. К сторонникам интернализма относится Дж. Серл, который предложил знаменитое различие между первичной интенциональностью сознания и вторичной (производной) интенциональностью языка. Экстернализм – это позиция, согласно которой природа предметов внешнего мира и социальные институты сущностным образом участвуют в конституировании ментального содержания и значения. К приверженцам этой теории относятся поздний Л. Витгенштейн, Х. Патнэм, С. Крипке, Т. Бердж, К. Макгинн.

Наиболее известными стали два мысленных эксперимента: «Двойник Земли» (Патнэма) и «Артриты и тартриты» (Берджа), показывающие, что ментальное содержание должно быть широким. Предположим, что существует Двойник Земли, который населен такими же людьми, как мы, говорящими на нашем языке. Однако вещество, которое на этой планете наполняет моря и океаны, которое люди используют для утоления жажды, которое они называют водой и которое чувственно неотличимо от нашей воды, имеет совсем другую химическую структуру (обозначим ее XYZ). Люди на Двойнике Земли и на Земле находятся в одинаковом психологическом состоянии, когда употребляют слово «вода». Тем не менее выражение «вода» на Земле в 1750 г. (до того, как что-либо стало известно о химической структуре воды) относилось к H_2O ; а «вода» на Двойнике Земли – к XYZ. Этот аргумент показывает, что «значения не находятся в головах», и он легко может быть сформулирован в терминах интенциональности: два убеждения – мое и моего двойника о воде, несмотря на то что «изнутри» были идентичны, на самом деле были различными, так как задавали разные условия истинности.

Второй мысленный эксперимент показывает, что ментальное состояние отчасти, но существенно зависит от социальной речевой практики. Представим себе некоего человека, который думает, что «артрит» – повреждение кости (хотя артрит – это повреждение свя-

зок). Он говорит доктору: «У меня артрит бедра». В данном случае он имеет ложное убеждение. Представим теперь этого человека в контрфактической ситуации: он также убежден, что у него артрит бедра, однако в этом речевом сообществе принято «артритом» называть как повреждения связок, так и повреждения кости. Фактически мы имеем дело с двумя разными понятиями, для простоты дадим второму в нашем языке другое имя – «тартрит». Соответственно, этот человек, несмотря на то что «изнутри» для него ничего не изменилось, во второй ситуации имеет совершенно другое убеждение, которое на нашем языке мы выразили бы как «у меня тартрит бедра», при этом, в отличие от убеждения, представленного в первой ситуации, это убеждение является истинным.

Тезис экстернализма предполагает неправомочность сомнений в существовании внешнего мира, но, с другой стороны, он означает, что мы не имеем непосредственного привилегированного доступа к своему сознанию. Из экстернализма следует также ложность теории тождества сознания и мозга, так как сознание оказывается рассредоточенным в мире.

Близкую к интернализму позицию представляет собой феноменологическая концепция интенциональности Э. Гуссерля. Основной тезис этой концепции состоит в том, что структура интенционального акта не зависит от предмета, на который направлен акт. Гуссерль предлагает специальный метод для исследования сознания – «феноменологическую редукцию», т.е. метод воздержания от суждений о существовании предметов мира. Главным отличием феноменологии от аналитического интернализма является стремление исследовать не столько логические и лингвистические проявления интенциональности, сколько сам феномен сознания – интенциональность. Гуссерль описывает интенциональное отношение как взаимосвязь нозмиса – интенционального содержания, благодаря которому и осуществляется интенциональное отношение, и нозмы – предметного смысла (под которым не следует понимать нечто существующее вне сознания).

Второй тезис Brentano и тезис Чизолма ставят серьезную проблему для доминирующих в аналитической философии физикалистских теорий сознания. Одним из вариантов ее решения является элиминативный материализм (П. Черчленд) – теория, отрицающая реальность интенциональных состояний, т.е. убеждений, желаний и т.д. Другой вариант представляет инструменталистская позиция, согласно которой интенциональные выражения хотя и не описывают реальных феноменов, но в отсутствии точного знания законов, управляющих поведением живых систем, могут успешно использоваться для его предсказания (Д. Деннет).

Существует стратегия описания интенциональности через физические формы интенциональности. В этом смысле можно говорить об интенциональности физического объекта, если он, будучи законосообразно связанным с другим физическим объектом, несет о нем ин-

формацию. Так, например, можно говорить об интенциональности столбика ртути, так как он несет информацию о температуре (Ф. Дрекке). Еще один вариант предлагает эмерджентная теория (Дж. Серл), которая, признавая интенциональность в качестве фундаментального свойства сознания, предлагает проводить четкое различие между логической и онтологической проблемами интенциональности и считать интенциональность естественным свойством взаимодействующей системы нейронов мозга.

А. А. ВЕРЕТЕННИКОВ

Интенциональность натурализованная. Интенциональность – категория феноменологии и аналитической философии, обозначающая способность сознания быть «направленным» на что-либо. Состояния сознания, такие как желание, любовь, ненависть, надежда, являются «направленными» состояниями сознания или интенциональными состояниями. Они направлены на предметы, называемые интенциональными предметами. Последние могут существовать в действительности или не существовать, быть просто «представленными» в уме.

Отправной точкой современных исследований интенциональности является так называемый «тезис Brentano», согласно которому только психические феномены обладают интенциональностью, отличаясь тем самым от физических феноменов. Предметы, «предстающие» перед сознанием, с точки зрения Ф. Brentano, обладают особым видом существования – интенциональным несуществованием (*intentionale inexistenz*). Таким образом, интенциональность является характерным признаком психического вообще и сознания в частности. «Тезис Brentano» в современной аналитической философии сознания трансформируется в два различных вопроса, обозначающих два направления исследования. Это вопрос о том, являются ли все психические состояния интенциональными, и вопрос о том, являются ли интенциональными только состояния психики.

«Натурализация» есть понятие, введенное У. Куайном по отношению к эпистемологии, отражающее тенденцию решения философских проблем средствами частных наук, таких как физика или биология. «Натурализация интенциональности» – общее название для проекта по описанию интенциональности в не-интенциональных, например семантических, терминах. Такое описание позволяет объяснить в рамках общего физикалистского подхода то, почему биологические существа обладают интенциональностью. В процессе развития физикалистских представлений об интенциональности это понятие стало применяться ко все более обширным классам объектов. В рамках философии языка Р. Чизолм истолковал интенциональность как то, что задается интенциональными контекстами. Основное свойство интен-

сиональных контекстов заключается в том, что термины в них не могут заменяться друг на друга без потери истинности высказывания. Чизолм полагал, что из обнаруженной им связи интенциональности с интенциональными контекстами следует подтверждение второй части «тезиса Brentano» о том, что интенциональность является свойством только психических феноменов и не может быть обнаружена нигде, кроме сознания, – в силу того, что акт придания смысла (смыслового значения) высказыванию является чисто сознательным актом. Куайн, скептически относившийся к проблеме существования интенциональных объектов и полагавший, что словарь, используемый для описания интенциональных явлений, не может быть редуцирован к неинтенциональному словарю, сформулировал дилемму: если вторая часть «тезиса Brentano» верна, то необходимо выбирать между физикалистской онтологией и «наукой» об интенциональности. Принятие физикализма, с этой точки зрения, означает отказ от дуализма, предполагаемого автономной наукой об интенциональности. Большая часть философов, принимающих в той или иной мере физикализм, признает возможность существования науки об интенциональности. Таким образом, натурализация интенциональности является проектом описания интенциональности в рамках онтологии физикализма. Сторонники элиминативного материализма (П. Черчленд) являются, по видимому, единственными в аналитической философии сознания, кто отрицает существование интенциональности.

Одним из важнейших вопросов в проекте натурализации интенциональности является вопрос о ее существовании в природных и искусственных объектах. С точки зрения философии языка определенный ряд объектов обладает некоторой формой интенциональности, а именно – это речевые акты и любые обладающие значением письменные тексты. Действительно, речевой акт обладает некоторой формой интенциональности, если он выражает приказ или пожелание, а письменный текст обладает интенциональностью в силу того, что он может или «желает» сообщить нечто читателю. Основная дискуссия разворачивается вокруг онтологического статуса подобного рода интенциональности. Некоторые философы, такие как Дж. Серл и Д. Фодор, придерживаются точки зрения, согласно которой интенциональность предложений и речевых актов является «производной», «выводимой», т.е. интенциональностью второго сорта, зависящей от «естественной» интенциональности подлинных носителей интенциональности – людей. Фодор, выдвинувший гипотезу о существовании «языка мысли» (состоящего из ментальных символов, обладающих семантикой, а не только синтаксисом, как в языках программирования), предположил, что именно семантические свойства ментальных символов являются подлинными носителями интенциональности. Искусственные символы – речевые акты и предложения – обладают «производной» интенциональностью, «выводимой» из интенциональности символов языка мысли.

Другая школа философов, группирующаяся вокруг Д. Деннета, занимает так называемую «инструменталистскую» позицию. Они утверждают, что «производная» интенциональность артефактов и «подлинная» интенциональность человеческих существ не отличаются друг от друга. Деннет указывает на то, что приписывание интенциональности человеческим существам, равно как и артефактам, является просто «полезным способом» объяснения и предсказания поведения. Философ, рассуждающий с точки зрения так называемой «интенциональной установки», описывающий поведение объектов в интенциональных терминах (желание, стремление), обладает более адекватным инструментом, нежели «чистый» физикалист, пытающийся свести интенциональность к физическим процессам. Такого рода редукция зачастую невозможна в силу современного состояния науки о мозге. Инструменталистская позиция является позицией «экономии мышления». Деннет конструирует мысленный эксперимент, в котором мы встречаемся с человекоподобным роботом, хранящим часть данных, содержащихся в его памяти, на внешнем носителе, например в виде надписи на бумаге. Робот может перевести в естественный язык символы, записанные им на бумаге. Предполагается, что его интенциональность является «производной» от интенциональности его создателей. Однако если машина «выгружает» из своей памяти данные, производя артефакт, также обладающий «производной» интенциональностью, то мы сталкиваемся с проблемой редукции *ad infinitum*: «...внутри его мира производной интенциональности мы можем провести то же самое различие, которое с самого начала привело к противопоставлению подлинной и производной интенциональности. Это показывает, что производная интенциональность может быть произведена от производной интенциональности. Это также показывает происхождение иллюзии внутренней интенциональности (метафизически первичной интенциональности). Может показаться, что автор должен обладать внутренней интенциональностью для того, чтобы быть источником производной интенциональности артефакта, но это не так»³.

Вопрос о том, можно ли обнаружить интенциональность в природных объектах и процессах, а не только в артефактах, является одним из наиболее обсуждаемых в философии сознания. В рамках информационно-теоретического подхода Ф. Дрекке объект, являющийся носителем информации, есть одновременно и носитель интенциональности. В каждом случае, когда носитель информации связан с объектом, о котором он несет информацию *номически* (т.е. *законосообразно*), он является объектом, обладающим интенциональностью. Это может быть компас, указывающий на Северный полюс, высота столбика ртути в термометре, указывающая температуру, игла вольтметра, указывающая напряжение и т.д. Несмотря на то что компас,

³ Деннет Д. Виды психики. М., 2004. С. 60.

указывая на Северный полюс, одновременно указывает и на место обитания белых медведей, заменить термин «Северный полюс» на «место обитания белых медведей» в высказывании «компас *номически* связан с Северным полюсом» нельзя. Следовательно, высказывания такого типа являются интенциональными, т.е. выражают одну из фундаментальных черт интенциональности, как ее определял Чизолм.

Альтернативой информационно-теоретическому является телеосемантический подход (Р. Милликан). Он основан на том, что необходимым условием для объекта, чтобы он бы *о чем-то*, т.е. обладал интенциональностью, является функция, для которой он предназначен. При этом интенциональное несуществование предметов Brentano также может воплощаться в различных биологических функциях. Биологический орган может не выполнять свою функцию, например, сердце предназначено для перекачивания крови в организме, но может не выполнять эту функцию. Невыполнение функции аналогично представлению не существующего в действительности, но интенционально несуществующего объекта Brentano. Телеосемантическая теория предполагает, что *конструкция* (design) органа является основой для его функционирования, что, в свою очередь, есть основной источник интенциональности. Интенциональность является производным процессом от неинтенционального процесса естественного отбора.

ЛИТЕРАТУРА К СТАТЬЯМ

Бrentano Ф. Избранные работы. М., 1996; Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999; Деннет Д. Виды психики. М., 2004; Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2003; Куайн У.В.О. Слово и объект. М., 2000; Anzenbacher A. Die Intentionalität bei Thomas von Aquin und Edmund Husserl. Wien, München, 1972; Simonin H. D. La notion d'«intentio» dans l'oeuvre de Saint Thomas d'Aquin // Revue des Sciences philosophiques et théologiques. T. XIX. 1930; Spiegelberg H. Der Begriff der Intentionalität in der Scholastik, bei Brentano und bei Husserl. Philosophische Hefte, 5. 1936; Intentio // Mauthner F. Wörterbuch der Philosophie. Neue Beiträge zu einer Kritik der Sprache. W., 1923; Intentio // Ritter J. (Hg.). Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 4. Frankfurt, 1976; Chisholm R.M. Perceiving: a Philosophical Study. L., 1956; Searle J. Intentionality. N. Y., 1983; Fodor J.A. The Language of Thought. N. Y., 1975; Burge T. Individualism and the Mental // Midwest Studies in Philosophy. 1979. Vol. 4; Dretske F. Naturalizing the Mind. Cambridge, MA, 1995; Millikan R.G. Language, Thought and Other Biological Objects. Cambridge, MA, 1984; McGinn C. Mental Content. Oxford, 1989.